

The Discreet Charm of the Soviet Things

Nikolai B. Afanasov

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia. Email: [n.afanasov\[at\]gmail.com](mailto:n.afanasov[at]gmail.com)

Received: 15 June 2023 | Revised: 24 July 2023 | Accepted: 4 August 2023

Abstract

The subject of this review is the book “The Things of Life: Materiality in Late Soviet Russia” written by historian Alexey Golubev. The English translation was published in 2022 as part of the “Library of the Journal *Neprikosovennyy zapas*” series by the “New Literary Observer” publishing house. The book comprises six chapters, each delving into a distinct aspect of late-Soviet materiality: “Techno-Utopian Visions of Soviet Intellectuals after Stalin”, “Time in 1:72 Scale: The Plastic Historicity of Soviet Models”, “History in Wood: The Search for Historical Authenticity in North Russia”, “When Spaces of Transit Fail Their Designers: Social Antagonisms of Soviet Stairwells and Streets”, “The Men of Steel: Repairing and Empowering Soviet Bodies with Iron”, and “Ordinary and Paranormal: The Soviet Television Set”. Golubev’s approach emphasizes the significance of materiality in analyzing social history.

This review outlines the primary content of the book and seeks to position it within the discursive realm of contemporary social sciences and humanities. It demonstrates that the book’s relevance extends beyond merely cataloging items produced in the Soviet Union. The work aims to refresh social and cultural research methodologies, and its conceptual innovation offers a critical counterpoint to ideological interpretations of (Soviet) history.

Keywords

Materiality; Modernity; Soviet; History; Historical Memory; Technology; Philosophy; Social Philosophy; Practical Philosophy; Applied Philosophy

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Скромное обаяние советских вещей

Афанасов Николай Борисович

Институт философии РАН. Москва, Россия. Email: n.afanasov[at]gmail.com

Рукопись получена: 15 июня 2023 | Пересмотрена: 24 июля 2023 | Принята: 4 августа 2023

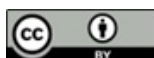
Аннотация

Предметом рецензирования выступает монография историка Алексея Голубева «Вещная жизнь: материальность позднего социализма», перевод которой с английского языка в 2022 году вышел в серии «Библиотека журнала “Неприкосновенный запас”» издательства «Новое литературное обозрение». Книга состоит из шести глав, каждая из которых обращается к отдельному сюжету позднесоветской материальности: «Техноутопизм советской интеллигенции после Сталина», «Время в масштабе 1:72. Пластмассовая историчность советских моделей», «История, запечатлённая в дереве. Поиски исторической подлинности на Русском Севере», «Проходные пространства выходят из-под контроля. Социальные противоречия советских подъездов и улиц», «Люди из стали. Железо для здоровья и силы советского тела», «Обыденное и паранормальное в советском телевизоре». В основе подхода автора лежит представление о важном значении материальности для истории общества.

В рецензии отражено основное содержание монографии, а также предпринята попытка определить её место в дискурсивном поле современного социально-гуманитарного знания. Показано, что значение книги не ограничивается каталогизацией советских вещей. Работа претендует на обновление методологии исследования общества и культуры, а её концептуальное новаторство несёт в себе критический потенциал в отношении идеологизированных подходов к осмыслению (советской) истории.

Ключевые слова

материальность; модерность; советское; история; историческая память; техника; философия; социальная философия; практическая философия; прикладная философия

Это произведение доступно по лицензии [Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\)4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Структура спроса и предложения в современной философии переживает нечто похожее на индивидуализацию производства в позднем капитализме: потребителю (интеллектуалу) уже недостаточно ограниченного набора «базовых» товаров. Французский философ и социолог Жиль Липовецкий предложил взглянуть на моду как на нормативную модель функционирования современной культуры: «Мы живём в обществе, в котором господствует нечто фривольное, легкомысленное и несерьёзное, и наше общество – последнее звено в многовековой авантюре под названием “капитализм – демократическое общество – индивидуализм» (Липовецкий, 2012, с. 13). Заданная авторитарной логикой изменчивости новизна навязывает себя.

Суть подхода состоит в том, что на примере развития феномена моды, определившего потребительские стратегии XX и XXI-го вв., можно вычлени наиболее значимые особенности жизненного мира и машины желаний современного человека. мода порывает с традицией. Она узаконивает изменчивость как принцип. В её логике завершается характерная для Модерна индивидуализация общества. Но, одновременно, мода и эфемирирует мир, буквально растворяя всё твёрдое в воздухе (Берман, 2020) вслед за модерновым капитализмом. «Совершенная мода <...>, конечно же, дочь капитализма» (2012, с. 209).

Поворот к материальному, если следовать предложенной метафоре, относится к числу тех дискурсивных доминант, которые определяют поле современных социо-гуманитарных исследований. В социальных науках его начало датируется 1980-ми гг. (Вахштайн, 2015, с. 8). На концептуальном уровне именно работы тех лет – прежде всего социологов – определили ход развития дисциплин актуальной гуманитарной мысли, повлияв на таких мыслителей как Дж. Беннет, М. де Серто, Б. Браун, Д. Миллер (Голубев, 2022, с. 297). Философия принадлежит к их числу. Для истории или культурологии, как более молодой дисциплины, материальное с самого начала представляло собой важную предметную сферу, хотя поворот к малому, появление «микроистории», «истории вещей» также радикально преобразовали ландшафт этих наук. Сложнее сказать что-то определённое о материальном в философии.

Материализм всегда был одним из полюсов философского мышления, но в том виде, в котором к нему обращаются современные теоретики, он далёк от античного физикализма или даже исторического материализма марксистской традиции. Иначе говоря, радикального «материального поворота» в философии быть не могло, потому что он всегда был её составляющей. С самого начала философия была переходом не от материального к идеальному, но от обыденного, будь то идеальное (к примеру, миф) или материальное (границы земельных участков), к теоретическому осмыслению. Тем удивительнее, что нечто, описывающее себя как материалистический поворот в философии, происходит на наших глазах. Сегодня материализмов много, и каждый из них претендует на новизну. По меньшей мере они выглядят «модно», добавляя в устаревшие (по законам моды или каким-то иным?)

концепции новые акценты: «Различные версии материализма пересекают теоретическое поле по меньшей мере с середины 2000-х гг., избирая в качестве основы для своих построений активную материю, скоплениям частиц которой приписываются свойства не только онтологические, но и политические и даже эстетические» (Сосна, 2022, с. 71).

Мода на материальное не обошла стороной и российское академическое пространство, составив достойную конкуренцию продолжающей оставаться интеллектуальной доминантой «междисциплинарности». Сразу оговоримся: мы не имеем в виду ничего плохого. Современность накладывает свои требования – воздушные, изящные, отчасти эфемерные, но неизменно обязательные к исполнению – на производство знания. Интеллектуальная мода столь же деспотична, как и мода материальная: «... изменения носят отчасти “принудительный” характер, так как сопровождаются своеобразным “долгом” адаптации и ассимиляции, они властно навязывают себя» (Липовецкий, 2012, с. 39). К счастью, следование моде – часто приятное и захватывающее дело. Когда мы имеем дело с интеллектуальной жизнью, оно также может оказаться единственно продуктивным, коль скоро соотносится с внутренней логикой функционирования общества. Так, концептуальное осмысление и самоописание общества обновляется в соответствии с достигнутым им уровнем развития.

Издание перевода книги историка Алексея Голубева «Вещная жизнь: материальность позднего социализма» (Голубев, 2022) на русский язык вполне встраивается в обрисованную нами картину. В оригинале работа вышла в 2020 году в издательстве Cornell University Press (Golubev, 2020). Перевод был выполнен Татьяной Пирусской, о трудах которой автор пишет так: «Её упорная работа, внимательность к языковым нюансам и чувство стиля стали залогом того, что русский перевод состоялся» (Голубев, 2022, с. 11). С нашей точки зрения, оценка А. Голубева справедлива – книга действительно читается на одном дыхании. Это прежде всего историческая работа, выполненная в традиции «истории вещей», социальной и культурной истории.

Перед нами книга, изначально адресованная западному читателю. Она работает с советским материалом, который интересен зарубежной академии в качестве эмпирической перспективы для сравнения. В этом контексте материальность позднего социализма помогает лучше понять материальность (позднего) капитализма, всю «материальность» в целом, а также убедиться в том, что получившие распространение материально-ориентированные концептуальные методы можно считать универсальными.

На русском языке выход англоязычного издания не остался незамеченным. Анна Соколова в своей рецензии говорит о целевой аудитории исследования А. Голубева: «... основной аудиторией Голубева является англоговорящая публика, для которой данное исследование открывает путь в причудливый мир поздне-советской материальности» (Соколова, 2021, с. 182). Действительно, работа нашла отклик в зарубежной академической периодике,

где вписалась в авторитетную область исследований советскости. Выбор материала был признан новаторским. Если традиционная материальная советология фокусируется на авангарде 1920-х и 1930-х гг., то есть инновациях в советской материальности, последовавших сразу за Революцией, то работ о вещном мире позднего социализма меньше. Чаще всего они фокусируются на глобальных проектах, чей объём измерялся в десятках миллионов кубометров железобетонных конструкций в год или сотнях тысяч произведённых тракторов. Примером может служить программа жилищного строительства «хрущёвок»: «В последние годы область исследования расширилась за пределы документации нового, и всё больше внимания уделяется более повседневным аспектам советской модерности. Новаторская книга Алексея Голубева <...> отражает этот новый подход» (Betts, 2022, p. 810).

Возможно, «Вещная жизнь» для постсоветского читателя окажется даже более новаторской, чем она воспринимается в контексте западных *Soviet Studies*. Дело не в том, что нам хуже знакома (пост-)советская повседневность. Во-первых, как известно, глаз не может увидеть сам себя. Привычное становится незаметным, хотя, как сказали бы современные последователи методологии материального поворота, именно оно является определяющим. К тому же «выросло поколение, которое вовсе не знало опыта существования в СССР, что формирует специфическую дистанцию» (Куренной, 2012, с. 294). Во-вторых, важен академический контекст. Традиция исследования советской истории определяется эпохальной значимостью, которая отводится СССР, его появлению и краху, как феноменам, определившим архитектуру современного мира. Достаточно вспомнить, что британский историк Эрик Хобсбаум верхнюю границу XX столетия определяет 1991-м годом, а начало «исторического» века 1914-м, в событиях которого будущая Советская Россия, ещё бывшая Империей, также сыграла не последнюю роль (Хобсбаум, 2004). Современные российские исследования преимущественно наследуют этой традиции большого стиля. И если в культурологии, истории или социологии можно найти примеры смещения фокуса внимания на повседневное, то философия продолжает широкими мазками писать историософию утраченной цивилизации.

Когда обращение к советской истории не преследует целью внести что-то новое в понимание мировых процессов, по меньшей мере оно тогда претендует на вскрытие антропологического новаторства советского проекта: «Почти все влиятельные книги о советской истории, вышедшие в последние десятилетия, так или иначе разрабатывали проблему субъектности – того, как рождался, менялся и шёл к своему концу советский человек» (Гулин, 2022, 7 октября). Академический поток, впрочем, не ламинарен, а многие отечественные учёные не следуют моде, задаваемой западными коллегами. Ещё в 2012-м году коллектив авторов подготовил книгу «СССР: Жизнь после смерти» (Глушченко, 2012), в которой помимо вопросов о «больших» исторических понятиях затрагивались темы личных автомобилей в СССР, психология

покупателя и даже формирование салонной видеокультуры. В открывающей сборник статье социолог и философ Борис Кагарлицкий писал: «Ни “величие”, ни “тоталитаризм” не только не описывают всего многообразия советского исторического опыта, но, что гораздо важнее, и не объясняют (курсив мой – Н.А.) его» (Кагарлицкий, 2012, сс. 12–13).

Объяснение – это не просто описание, а помещение в определённую теоретическую рамку, которая претендует на общезначимость. Но что, если не «большое» объясняет «малое», а наоборот? Книга А. Голубева – это концептуальный синтез различных подходов, дающих ответ на этот вопрос: «Моя центральная концепция сформировалась в ходе наших многочисленных дискуссий [с Сергеем Ушакиным] о советской культуре и обществе, теории аффекта, материальности, субъективности и личности, производстве знания» (Голубев, 2022, с. 9). В её основе лежит интерес к материальности, который проливает свет на логику функционирования общества. Мы писали о том, что книга вписывается в определённую традицию исследования советскости, но, и это более важно, её значение не исчерпывается контекстуальным высказыванием в *Soviet Studies*. Можно выделить три значимых для современной гуманитарной науки смысловых уровня работы. Во-первых, это методологическое развитие применения концепций формирования субъектности и истории через материальное, выполненное с опорой на историю позднесоветской повседневности. Во-вторых, анализируя агентность материальности и возникающие вокруг неё объяснительные модели, А. Голубев предпринимает попытку деидеологизации исследований культуры и истории СССР. Наконец, с точки зрения культурной истории и проработки эмпирического материала работа вводит в научный оборот новые сюжеты, обращается к ранее фактически неисследованным областям из жизни советского общества.

Начнём с конца, то есть с самой книги как «вещи» и тех предметов, которым она посвящена. Книга была издана «Новым литературным обозрением» в серии «Библиотека журнала “Неприкосновенный запас”». Визитной карточкой серии стал интерес к теме повседневности и, в частности, к советскому материалу. Ранее в ней уже выходили важные для области теоретические работы Светланы Бойм (Бойм, 2022), Алейды Ассман (Ассман, 2014), Марты Нуссбаум (Нуссбаум, 2023) и др. «Вещная жизнь» органично встраивается в этот ряд. Знакомство даже с несколькими книгами из серии может дать представление об особом рода исследовательском видении, которое она продвигает.

Структурно работа состоит из шести глав, введения и заключения. Несмотря на то, что концептуальная схема работы и намерения авторы ясно представлены именно во «Введении», а высказывание собственной позиции, которое до того момента могло не быть эксплицированным, отдельно артикулируется в «Заключении», все шесть глав самостоятельны и независимы друг от друга. «Вещная жизнь» выстраивается как система, каждая часть которой могла бы существовать отдельно, сохраняя своё самостоятельное значение.

Сюжеты, к которым обращается Голубев, разнообразны, и их сложно сгруппировать в соответствии с одним принципом. Научно-технический утопизм советского общества (Глава 1), страсть к моделизму (Глава 2), историческая реконструкция деревянных памятников Русского Севера (Глава 3), советские подъезды (Глава 4), аппараты Илизарова и подвальные качалки (Глава 5), наконец, сеансы коллективной медицины от Анатолия Кашпировского и Аллана Чумака в телевизорах советских гостиных (Глава 6) могут быть связаны только хорошо продуманной концепцией.

Подборка тем продиктована, на наш взгляд, двумя соображениями. Хотя все эти сюжеты одинаково интересны с позиций материалистического подхода к объяснению повседневности, важно, чтобы они не были «избитыми» и предлагали оригинальное видение. Три главы предлагают новаторский способ осмысления предметов, к которым ранее обращались исследователи: это советская одержимость научно-техническим прогрессом, практики музеификации деревянной архитектуры и роль телевидения, шире – средств массовой информации – в позднем советском обществе. Оставшиеся три главы фактически впервые вводят в социально-исторический контекст новые сюжеты.

Будто отвечая желанию читателя начать с чего-то знакомого, первая глава возвращает в привычный академический мир описания советского проекта через техническую модернизацию: «Апеллируя к миру современной техники, официальные дискурсы создавали образ советского общества – прогрессивного, технократического, и индустриализованного» (Голубев, 2022, с. 58). Авангардистское значение механизмов, стремления стать машиной для советского утопического проекта хорошо известны. Поздний социализм стремился придать внутреннюю динамику утратившему идеалистический пафос обществу через обновление этого мифа: «С середины 1950-х годов всё чаще предпринимались попытки, пусть лишь частичные и осторожные, возродить политику и эстетику советского авангарда» (2022, с. 53). Метафора машины, как цели и средства преобразования общества, была изначально встроена в универсум идей советского проекта. Посредством технических средств советский человек должен был овладеть материей, направив её движение в соответствии со своими продиктованными гуманистическими целями желаниями.

В позднем социализме эти желания стали доступны каждому на другом уровне материального потребления. А. Голубев затрагивает общекультурные вопросы, но предлагает остановиться на том, как рядовые граждане СССР опосредовали общий культурный паттерн освобождения через «сотрудничество» с машиной. Автор акцентирует внимание на феномене «сделай сам», которым было одержимо советское общество. Гражданину, лишённому доступа к широкому разнообразию потребительских товаров, приходилось мобилизовывать собственную творческую энергию. В результате «советская

материальность представляла в этом дискурсе как динамичная; в позднесоветской культуре любая вещь могла превратиться во что угодно, поэтому прежде всего рассматривалась как сырьё или набор деталей, даже если была совершенно новой» (2022, с. 71). В главе представлен экскурс в мир дискурса советских журналов, посвящённых вопросам домашнего технического творчества. Потребность «смастерить» что-то своими руками оказывается не только чертой, определявшей мир дефицитного социализма, но прежде всего характеристикой умонастроения людей. Это одна из первых иллюстраций того, что «материя определяет сознание», или, модернизируя этот старый тезис, «вещность конституирует символический универсум».

Автор разоблачает мифологему о том, что советскому гражданину отводилась роль «винтика» в машине государства. Напротив, мужчина позднего социализма должен был овладеть миром через власть над машиной, но не стать её частью, в соответствии с инструментальными представлениями политического руководства. Упрёки в последнем можно встретить в историософских осмыслениях отношений человека – машины в СССР, но А. Голубев убедительно аргументирует классовый характер этой идеологемы. В этом контексте можно вспомнить и гуманистический пафос культуры оттепели, нашедший отражение в том числе и в кинематографе. В фильме «Застава Ильича» (1963) режиссёр Марлен Хуциев использует такой фрагмент из стихотворения Р. Рождественского: «Я не верю, что это *винтики* (курсив мой – Н.А.) с грозным космосом побратались». Фетишизм творческого начала в технике оказывает влияние на современные дискуссии, оценивающие потенциал России как технической наследницы СССР, что также становится одним из предметов авторского анализа.

Композиционно за экскурсом в позднесоветский технический дискурс следует рассказ о советском моделировании. Структура книги задаёт особую систему координат. Если Советский авангард был захвачен симфонией Донбасса, а после войны мужчины были вынуждены, несомненно, реализуя себя и получая от этого удовольствие, «делать всё сами», то титанический масштаб сжимается до истории в формате 1:72. Книга ведёт нас от вещей огромных к вещам малым. Советской промышленности, пусть и при участии западных стран, поставивших пресс-формы, удалось наладить широкое производство моделей для самостоятельной сборки. Автор показывает, как способы продажи и представления коробочных наборов задавали исторические координаты самоосмысления советского общества: «Переход к статичным моделям-копиям побуждал советских любителей моделирования мыслить исторически, причём в категориях не столько классовых, сколько национальных границ и иерархий. Он подразумевал, что большевистская революция была не разрывом, а звеном в цепи исторического развития, и позволял проследить преемственность, роднящую средневековые восточнославянские государства, Московскую Русь, Российскую империю и Советский союз» (2022, с. 89). Моделирование вступало в конфликт с раскрытой в первой главе сущно-

стью технического творчества. Фетишизация деталей и запечатление конкретных моментов в жизни того или иного технического объекта служило его отчуждённому от общего нарратива технического творчества восприятию: «Сборные модели подтверждали и усугубляли историческое отчуждение труда при производстве технических объектов» (2022, с. 106), что вступало в конфликт с советской идеологической политикой. Показательно, что это вылилось в создание многочисленных коллекций. Эпиграфом ко второй главе автор выбрал цитату из «Пассажей» Вальтера Беньямина, посвящённую феномену коллекционирования. Беньямин принадлежал к числу тонких наблюдателей буржуазного общества. Пусть и другим путём, советский авангардистский проект также стал вмещением страсти обывателя к коллекционированию, а фигура пламенного революционера была одомашнена вещностью этого мира.

Третья глава продолжает линию встраивания Советского проекта в «нормализованное русло» движения современности на материале попыток историзации материального наследия Русского Севера. Немецкий философ Герман Люббе писал, что «... вероятность повторения случившегося снижается, а это и означает, что актуализация этой уникальности превращается в процесс её историзации» (Люббе, 2019, с. 57). Динамика Модерна предполагает всё большие усилия по сохранению того, что быстро становится устаревшим – всё новое и современное устареет ещё быстрее. На уровне аналитической переключки между главами прослеживается вектор на признание внутренней де-идеализации советского проекта. Сравнивая функциональный архитектурный модернизм и музеефикацию, А. Голубев заключает: «Если Гинзбург [Моисей Гинзбург, архитектор – Н.А.] хотел, чтобы социалистическая архитектура преодолела социальное отчуждение, то для Ополовникова [Александр Ополовников, реставратор-исследователь – Н.А.] старинное деревянное зодчество должно было преодолеть отчуждение историческое, перекинув мост между прошлым и настоящим русского / советского народа» (Голубев, 2022, с. 144). Как и советские моделисты, музеефикаторы, историки, любители древности находили своё призвание в том, чтобы эту древность сохранять. Глава имеет важное значение для целого книги, затрагивая в том числе и российскую современность, которая продолжает советские практики консервации формы, но предлагает читателю и обширный эмпирический материал, который подтверждает схему. Сохранением исторической культуры озабочены прежде всего образованные горожане, т.е. «чужаки» (Куренной, 2022): «В конце концов, для местных жителей «банька» – объект утилитарный, а не эстетический» (Голубев, 2022, с. 135).

Глава 4 «Проходные пространства выходят из-под контроля» методологически развивает подход Мишеля Фуко: «Археология советских подъездов и улиц <...> позволяет составить представление о политике советских проходных пространств и их роли в формировании советских людей как на телесном

уровне, так и в плане осознания своего “Я”» (2022, с. 172). Фокус внимания на материальное, с которым трудно спорить, позволяет автору вступать в полемику с широко распространёнными интерпретациями того или иного социального явления. В частности, автор показывает, что хрущёвскую программу массового жилищного строительства неверно интерпретировать в качестве отказа от социалистических идеалов: «... на уровне отдельных квартир эти идеалы не пытались воплотить в жизнь, их перенесли на более крупные участки города – микрорайоны» (2022, с. 175).

Советские подъезды, ставшие одним из немногих доступных мест для приватности (и девиантности) в стеснённых условиях социалистических городов, превратились в мифическое пространство. Они стали местами, в которых разворачивалось действие анекдотов, различных историй, пространством для съёмки телепередач. На излёте эпохи подъезд для одних стал врагом, а для других – желанным местом, где можно отдохнуть с друзьями. Впрочем, их «уникальность» должна мыслиться критически, поскольку маргинальные группы использовали проходные пространства в других странах сходным образом. Для книги важнее, что уникальность советской материальности всё также была вписана в общий материалистический дискурс, в котором мыслили и действовали советские чиновники. Соответственно, «материалистическое понимание способности “улиц и подъездов” превращать советских подростков в малолетних преступников подсказало чиновникам и сознательным гражданам столь же материалистическое решение: вытащить их из подъезда» (2022, с. 191).

Заключительные параграфы главы продолжают актуализацию материала применительно к современному контексту. Смещая фокус внимания на материальную сторону пространства, подчиняющуюся своим (универсальным) закономерностям, А. Голубев показывает, что критика эстетической непривлекательности советских подъездов обуславливается классовым сознанием: «Значимое отсутствие городских общественных пространств в биографиях советской интеллигенции слишком часто оборачивается умалчением об их активной социальной жизни. Многие западные исследователи, в силу классовой близости склонные выражать солидарность с советской и постсоветской интеллигенцией, воспроизводят это умалчение» (2022, с. 205).

Название Главы 5, «Люди из стали», обыгрывает устоявшийся советский троп: «... за железом, как и за сталью, его сплавом, в советской культуре прочно закрепилась функция эффективных инструментов для создания образа нового социалистического человека» (2022, с. 212). В главе освещается история изобретения знаменитого аппарата Илизарова и развитие бодибилдинга в подвальных помещениях. Контраст с историческим экскурсом в первой главе очевиден. Фотография «Витальность аппаратов Илизарова» вынесена на обложку как русского, так и зарубежного вариантов книги. На ней изображены дети, которые проходят лечение при помощи этих фантастических устройств. Они собирают, будто из конструктора, антропоморфного робота

из деталей, предназначенных для сбора аппаратов. Голубев прослеживает, как метафорика целительного железа сначала отвергалась советской медициной, а затем триумфально восторжествовала. Его дискурс-анализ показывает, что восприятие аппаратов было футуристическим, люди видели в них «сходство с киборгами» (2022, с. 217). Высокий культурный статус металла становился приложим к проблемам здоровья, мог трансформировать человеческое тело, излечивать его от болезней.

Это металлическое овнешнение потенциала человеческого тела нашло своё отражение в ещё одном малоисследованном феномене – советской подвальной качалке. Советский «культуризм» (понятие заимствовано из французского языка, так как «бодибилдинг» звучало слишком по-английски) воспринимался официальной советской властью как вызов социалистической идеологии. В упрёк культуристам ставили следование буржуазным принципам и идеалам, превознесение индивидуального в ущерб коллективному, асоциальность. А. Голубев показывает, что на деле всё обстояло ровно наоборот. Посетители советских качалок выступали стражами сложившегося социального порядка и одной из основных задач своих занятий наращиванием мышечной массы видели подготовку тела к службе в советской армии и к отстаиванию «нормы» в уличных стычках с маргиналами: «... вместо эгоистов, поглощённых работой над образом собственного тела, из подвальных спортзалов выходили лояльные и социально активные граждане, ощущавшие прочную связь с советским обществом» (2022, с. 251). Автор обнаруживает параллели в риторике реконструкторов и теоретиков атлетизма: «Поражает сходство <...> с доводами советских реставраторов, тоже искавших в далёком прошлом эстетические идеалы, искажённые позднейшими капиталистическими наслоениями» (2022, с. 247). Так обращение к разному материалу приближает к пониманию общих паттернов легитимации или критики, присущих позднесоветской культуре. Все они оказались продиктованы и рождены материальностью, без которой не могли жить советские люди.

Заключительная глава, «Обыденное и паранормальное в советском телевизоре», обращается к краеугольному сюжету для рефлексии в отношении (пост-)советской культуры. Дискуссия вокруг него остаётся жаркой и сегодня. Речь идёт о телевизоре. Автор отказывается от политизации этого бытового прибора. Через обращение к его материальности описывается, как телевизор менял жизнь советских граждан, и каким образом он послужил условием для возникновения одержимости паранормальным. Мракобесие, «... понятие, эмоционально окрашенное и оценочное, отражало бурную реакцию образованных советских людей на то, что казалось им грандиозным поражением советского рационализма» (2022, с. 266–267). Физически сама телевизионная коробка не могла подорвать советский модернизационный рационализм, но она стала проводником «внешнего» в жизненный мир советских домохо-

зайств. А. Голубев рассматривает и те последствия, которые появление телевизора в советских квартирах оказало на тела (вес, форму, подвижность) граждан.

В своём анализе материальности телевидения книга наследует идеям медиатеоретика Фридриха Киттлера, предложившего деидеологизированный подход к интерпретациям медиа. Появление телевизора, если следовать логике книги, становится одним из ключевых событий вещной жизни позднего социализма. Моделизм, аппараты Иллизарова, подвальные качалки и даже подъезды оказывали влияние на разные группы советского населения, но часто этому влиянию были подвержены лишь отдельные маргинальные слои или воздействие оставалось ограниченным. Телевизору удалось изменить конфигурацию мебели в гостиной. Теперь именно ему отводилось главное место, а окружающие его объекты (включая людей) располагались в пространстве так, чтобы телевизор было удобно смотреть. Он также смог выступить катализатором образования крупных сообществ, вступающих в противоречие с декларируемой советской идеологией и ценностями: «Телевизор преобразовал советское жилище и вторгся в личное пространство, вовлекая зрителей в различные действия, которые, несмотря на частный характер (просмотр телепередач дома), объединяли их в более крупное сообщество» (2022, с. 292).

На протяжении шести глав повествование в полной мере позволяет оценить потенциал подхода Алексея Голубева к истории «вещей» в вопросах осмысления феномена позднего социализма. Он не ограничивается музеефикацией быта, каким бы диковинным он сейчас ни казался не заставшим СССР поколениям. Если книгу и помещать в дисциплинарные рамки, то это будет не просто рефлексивная в отношении собственной методологии история, но полемическое высказывание, затрагивающее культурные, политические и философские темы. Каждую из глав действительно можно читать отдельно. Вопрос в том, что будет значить это чтение, и есть ли у книги более общая претензия. На наш взгляд, самое ценное в «Вещной жизни» можно обнаружить, не просто читая книгу как последовательный и каталогизирующий нарратив, обозрение своего рода «коллекции» материальностей, но и помещая её в общий интеллектуальный контекст разворачивающихся сегодня дискуссий.

Погрузившись в мир стальных механизмов, пластиковых моделей, деревянных церквей и маргинальных сред, легко забыть, что речь идёт о переводной работе, первоначальным адресатом которой выступало англоязычное академическое сообщество. Эта линия сохраняет свою силу на протяжении всего повествования: действительно, западный читатель найдёт, чему удивиться в развитом социализме. Однако дискурсивное пространство, в которое встраивается книга, более многоплановое. Нами было отмечено, что одной из стержневых идей книги является де-идеологизация анализа позднесоветской материальности. Под ней мы понимаем критику критики определённых подходов при анализе советской истории. Она одновременно методологическая и содержательная. Сама постановка вопроса о решающем значении материальности в объяснении множества феноменов подрывает

основу для вынесения оценочных суждений, которые склонны эту материальность игнорировать. Особенно отчётливо это было продемонстрировано в главах, посвящённым советским подъездам и телевидению.

А. Голубев прямо не полемизирует ни с одной из традиций историософского осмысления СССР, но не отказывает себе в удовольствии вскрыть те аспекты классовой солидарности, которые подменяют аналитические суждения накладыванием эстетической и социальной схемы на реальность. Так, книга обретает не меньшую актуальность в полемическом поле российской академической и социально-политической философии. Любопытно, что это «сообщение» книги может быть считано как в зарубежной, так и в российской академической традиции. Возможно, эти две традиции, разделённые по объективным причинам, имеют больше пересечений, чем принято считать. «Вещная жизнь. Материальность позднего социализма» задаёт координаты работы с политическим через материальную повседневность. В «Заключении» автор пишет, что теоретики, «... предложившие новый взгляд на роль материальных предметов в социальных изменениях, неоднократно подчёркивали, что их исследования и работы напрямую обращены к политической повестке» (2022, с. 297). Это нужно иметь в виду и при чтении рецензируемой монографии.

Политическое послание дополняется эпистемологическим высказыванием. Работа становится важным примером осмысления материальности, предлагая работающие модели по анализу разнообразных феноменов. Они могут быть масштабированы или перенесены на другие области материальности. А. Голубев вносит вклад в формирование целого исследовательского поля, которое только находится в стадии становления. Книга делает это легко и непринуждённо, во многом избегая тяжеловесной для ищущего интеллектуального наслаждения читателя проработки теоретических сюжетов. Они представлены ровно в той степени, которая необходима для соблюдения академических приличий, а также для того, чтобы интересующийся знал, куда ему обратиться для дальнейшего продвижения в сюжете. «Вещная жизнь» – это интеллектуально стильная книга, чьё изящество может сыграть с ней злую шутку. Работа очевидно способна внести свои полемические коррективы в непрекращающиеся и болезненные попытки осмысления того, чем было советское общество, и почему история пошла именно так, а не иначе. Но есть риск, что она окажется незамеченной именно там, где её дискуссионный пафос пришёлся бы более всего к месту.

Впрочем, не только философски-мыслящие интеллектуальные историки найдут, что можно почерпнуть, а с чем можно и поспорить в работе А. Голубева. Предметно философские дискуссии о материализме и плоских онтологиях получили мощный импульс в русскоязычной периодике и книгоиздании. Новая тема нашла благодатную почву. Впрочем, есть основания предположить,

что философский контекст осмысления материальности «Вещной жизни» легко может стать объектом критики.

Если общее умонастроение об агентности материального и стало распространённой установкой, то приложение её к конкретному материалу способно переформулировать классический вопрос. Что первично: телевизор «Рубин» в комнате хрущёвки или социальная система, которая сумела наладить проектирование и производство на «Московском телевизионном заводе “Рубин”»? Философ Грэм Харман в своём анализе акторно-сетевой теории Бруно Латура пишет: «В действительности <...> объекты или акторы используются *против* материализма. <...> Тот факт, что все уровни одинаково реальны, означает, что материализм тотчас отпадает. <...> Что важнее, как гордо заявил Жижек, материализм на самом деле является формой идеализма» (Харман, 2017, с. 7). Книга А. Голубева своим использованием разнообразных методологических установок выступает поставщиком теоретико-эмпирического материала, который может послужить развитию обозначенной выше дискуссии.

Вполне возможно, что эта переключка не была сознательной, но иногда вещи начинают жить своей жизнью, вступая в связи с другими объектами. В 2012-м году издательство «Новое литературное обозрение» издало книгу историка Джеффри Хоскинга «Правители и жертвы. Русские в Советском Союзе» (Хоскинг, 2012). На обложке, основой которой послужил плакат А. Кокорекина «К новым победам в труде и спорте!» (1955), красуется гордый советский тяжёлоатлет. В 1955-м в его мускулистых руках лежала штанга, в 2012-м у него вовсе нет рук. Ретушь плаката для обложки иллюстрирует идею книги, которая рассказывает историю русских, которые одновременно были и субъектами-выгодоприобретателями советской политики, и одними из главных жертв советского эксперимента. Аппараты Иллизарова, контраст между телесным и механическим которых обыгрывается фотографией на переплёте «Вещной жизни», будто полемизирует с инвалидизированным образом спортсмена. Символизируя потенциал материалистического подхода, они дополняют историко-культурный исследовательский нарратив, внося завихрения в ламинарность его течения.

Список литературы

- Betts, P. (2022). *The Things of Life: Materiality in Late Soviet Russia*. By Alexey Golubev. Ithaca: Cornell University Press, 2020. xvii, 220 pp. Notes. Bibliography. Index. Illustrations. Plates. Photographs. \$39.95, hard bound. *Slavic Review*, 81(3), 810–811. <https://doi.org/10.1017/slr.2022.275>
- Golubev, A. (2020). *The things of life: Materiality in late Soviet Russia*. Cornell University Press. <https://doi.org/10.1515/9781501752902>
- Ассман, А. (2014). *Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика*. Новое литературное обозрение.
- Берман, М. (2020). *Все твердое растворяется в воздухе*. Горизонталь.

- Бойм, С. (2022). *Обице места: Мифология повседневной жизни*. Новое литературное обозрение.
- Вахштайн (признан иноагентом в РФ), В. (2015). «Поворот к материальному»: Тридцать лет спустя. *Социология Власти*, 27(1), 8–16.
- Глущенко, И. В. (Ред.). (2012). *СССР. Жизнь после смерти*. НИУ Высшая школа экономики.
- Голубев, А. (2022). *Вещная жизнь: Материальность позднего социализма*. Новое литературное обозрение.
- Гулин, И. (2022, октябрь 7). *Силы вещей*. Коммерсантъ. <https://www.kommersant.ru/doc/5583788>
- Кагарлицкий (признан иноагентом в РФ), Б. (2012). Загадка советского сфинкса. В И. В. Глущенко (Ред.), *СССР. Жизнь после смерти* (сс. 8–16). НИУ Высшая школа экономики.
- Куренной, В. А. (2012). «Советское» как предмет исследовательского интереса. В И. В. Глущенко (Ред.), *СССР. Жизнь после смерти* (сс. 294–299). НИУ Высшая школа экономики.
- Куренной, В. А. (2022). Роль Чужака. Почему наследие так мало интересует местных жителей? *Охраняется государством*, 1, 46–53.
- Липовецкий, Ж. (2012). *Империя эфемерного. Мода и ее судьба в современном обществе*. Новое литературное обозрение.
- Люббе, Г. (2019). *В ногу со временем. Сокращённое пребывание в настоящем*. НИУ Высшая школа экономики. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1918-9>
- Нуссбаум, М. (2023). *Политические эмоции: Почему любовь важна для справедливости*. Новое литературное обозрение.
- Соколова, А. (2021). Alexey Golubev. *The Things of Life: Materiality in Late Soviet Russia*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2020. *Laboratorium: журнал социальных исследований*, 3(13). <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2021-13-3-180-182>
- Сосна, Н. Н. (2022). Поэтика тихого космизма. *Философский журнал*, 15(3), 70–83. <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2022-15-3-70-83>
- Харман, Г. (2017). Сети и ассамбляжи: Возрождение вещей у Латура и Деланда. *Логос*, 27(3), 1–32. <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2017-3-1-32>
- Хобсбаум Эрик. (2004). *Эпоха крайностей: Короткий XX век (1914–1991)*. Независимая Газета.
- Хоскинг, Дж. (2012). *Правители и жертвы*. Новое литературное обозрение.

References

- Assman, A. (2014). *The long shadow of the past. Memorial culture and historical politics*. *New Literary Review*. (In Russian).
- Berman, M. (2020). *All solids dissolve in air*. *Gorizont*. (In Russian).
- Betts, P. (2022). *The Things of Life: Materiality in Late Soviet Russia*. By Alexey Golubev. Ithaca: Cornell University Press, 2020. xvii, 220 pp. Notes. Bibliography. Index. Illustrations. Plates. Photographs. \$39.95, hard bound. *Slavic Review*, 81(3), 810–811. <https://doi.org/10.1017/slr.2022.275>
- Boehm, S. (2022). *Commonplaces: The mythology of everyday life*. *New Literary Review*. (In Russian).
- Glushchenko, I. V. (Ed.). (2012). *USSR. Life after death*. Higher School of Economics Publishing. (In Russian).

- Golubev, A. (2020). *The things of life: Materiality in late Soviet Russia*. Cornell University Press. <https://doi.org/10.1515/9781501752902>
- Golubev, A. (2022). *Thing Life: The Materiality of Late Socialism*. New Literary Review. (In Russian).
- Gulin, I. (2022). *The power of things*. Kommersant. <https://www.kommersant.ru/doc/5583788> (In Russian).
- Harman, G. (2017). Networks and assemblages: The revival of things in Latour and Delanda. *Logos*, 27(3), 1–32. <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2017-3-1-32> (In Russian).
- Hobsbawm, E. (2004). *The age of extremes: The short 20th century (1914–1991)*. Independent Newspaper. (In Russian).
- Hosking, G. (2012). *Rulers and victims*. New Literary Review. (In Russian).
- Kagarlitsky, B. (Recognised as a foreign agent in the Russian Federation) (2012). The riddle of the Soviet sphinx. In I. V. Glushchenko (Ed.), *USSR: Life after death* (cc. 8–16). Higher School of Economics Publishing. (In Russian).
- Kurennoy, V. A. (2012). «Soviet» as a subject of research interest. In I. V. Glushchenko (Ed.), *USSR: Life after death* (cc. 294–299). Higher School of Economics Publishing. (In Russian).
- Kurennoy, V. A. (2022). The role of the stranger: Why is heritage of little interest to local residents? *Protected by the State*, 1, 46–53. (In Russian).
- Lipovetsky, Z. (2012). *The empire of the ephemeral: Fashion and its fate in modern society*. New Literary Review. (In Russian).
- Lübbe, H. (2019). *Keeping up with the times: Shortened stay in the present*. Higher School of Economics Publishing. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1918-9> (In Russian).
- Nussbaum, M. (2023). *Political emotions: Why love matters for justice*. New Literary Review. (In Russian).
- Sokolova, A. (2021). Alexey Golubev. The Things of Life: Materiality in Late Soviet Russia. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, 3(13), 180–182. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2021-13-3-180-182> (In Russian).
- Sosna, N. N. (2022). The poetics of gentle cosmism. *Philosophy Journal*, 15(3), 70–83. <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2022-15-3-70-83> (In Russian).
- Vakhshayn, V. (Recognised as a foreign agent in the Russian Federation) (2015). “Turn to the material”: Thirty years later. *Sociology of Power*, 27(1), 8–16. (In Russian).